

СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

ЧИТАЕТ

СЕРГЕЙ БАЛАШОВ

(ЗАМЕТКИ ПОЭТА)

Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ Сергея Балашова. Мне глубоко по душе его большой талант, пламенная гражданственность, широкий жанровый диапазон, высокий вкус и великолепное мастерство. Но в прежних его работах были героика, драма, публицистика, сатира. А теперь — Есенин. Лирик!..

Перед вами — солнечная груда изумительных есенинских стихотворений и поэм. Что отобрать? Что взять в ладони? Хочется и это, и это, и то, и то! А всего не возьмешь.

Балашов не пошел по пути простого концертного нанизывания популярных произведений. Он создал единый литературный спектакль, лирический и романтический, стройный и многозвучный. Композиция называется: «Времена года».

Под затихающие звуки «Осенней песни» Чайковского на сцену, глубоко задумавшись (именно так, а не просто задумчиво), с полураскрытой книгой в руке выходит артист. Тихо падают в зал первые есенинские строки:

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце мое порадует?
Кто его успокоит, мой друг?..

В самом начале спектакля мягко и властно звучит основной аккорд есенинской лиры — грусть, неудовлетворенность, вопросы к судьбе... Это задумано верно, и мы сразу чувствуем: это Есенин.

С первого момента в зале ощущается та граненая тишина, которая говорит о единоутраченном всеобщем внимании. Воишь скрипнуть креслом, впитываешь каждое слово. И идешь, идешь за исполнителем по пленительной есенинской поэзии.

И открываются высоты есенинского духа! Нет, отнюдь не только своей личной тоской-кручиной полон поэт. Еще более, неизмеримо более, чем собственная судьба, гнетет и печалит его судьба Родины — России, разоренной, нищей, испытавшей столько бед.

Снежная равнина, белая луна... Это произносится актером ровно, печально, но и тревожно.

И вдруг всплеск! Вскрик боли! Слова и музыка, едино рванувшиеся ввысь:

Саваном покрыта наша
сторона.
И березы в белом плачут
по лесам.
Кто погиб здесь? Умер?
Уж не я ли сам?..

Вот строки о матери. Обычные слова — таково уж колдовство подлинной поэзии — как бы сами собой складываются в светлую, сердечную песню:

Милая, добрая, старая,
нежная...

Балашов произносит эти слова с большими паузами, придавая каждому из них свой заряд эмоциональной силы. И удивительное дело — интонация ниспадающая, голос все тише, а песнь любви к матери все громче, все выше, все ощутительней!

Мы слышим — среди общего текста композиции — стихи знаменитые, шедевры есенинской лирики: «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «Пускай ты выпита другим...», «Несказанное, синее, нежное...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Отговорила роща золотая...», «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...». И мы воспринимаем их уже не как отдельные стихи (хотя отлично помним, что на страницах изданий это выглядит именно так), а как частицы влечущего потока — души Есенина. И разве это не приближает нас к поэтической правде жизни

поэта? Разве он любил Родину, обращался к матери или к друзьям только тогда, когда писал стихи? Ведь нет же. Всегда! И единое, хорошо продуманное течение композиции углубляет эту мысль.

Многое испытав, постраствовав по свету, поэт возвращается к себе на родину, в деревню. Стихи, посвященные этому периоду его жизни, стихи замечательные, трепетные, непростые, иногда с эстрады у нас читают, на мой взгляд, совсем неправильно. Имею в виду сейчас стихотворение «Я иду долиной, на запыльке кепи».

Некоторые наши исполнители воспринимают, видимо, слишком прямо, «в лоб», строки поэта «Я — беспечный парень. Ничего не надо...», «Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки...». И такое, простите меня, выворачется с этим стихотворением! Расписывается эдакий разудалый рубаха-парень без забот и без печали, вернувшийся к себе в деревню и разгулявшийся среди «нарядных мужиков и баб». И то, как он вместе со всеми косит, подается уж так шумно-лихо, что кажется, вот-вот парень вприсядку с косой пойдет. Куда глубже, куда тоньше, куда интереснее этой пейзажной картины стихи Есенина!

«Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка...», говорит поэт, как бы слегка подсмеиваясь над собой, но не забывая, однако, о своем главном призвании. И дальше, как бы не в силах справиться с нахлынувшим:

К черту я снимаю свой костюм
английский.
Что же, дайте косу, я вам
покажу...

Эти строки Балашов произносит не только с искренней радостью, но и с горячим, подступающим к горлу волнением: очень дорога для поэта родная обстановка!

Я ли вам не свойский, я ли
вам не близкий,
Памятью деревни я ль не
дорожу?

И мы видим Есенина! Будто вместе с ним идем с косой по травяным строчкам. Вместе с ним гордимся глубокой связью с родной землей, одобрением односельчан, которое как бы слышится тут же. Всю деликатность этого эпизода, все его внутреннее движение, всю гамму душевных красок, где есть и радость, и легкая стыдливость, и гордость, и любовь, и азарт, и восторг, и юмор, бережно и точно воссоздает Балашов.

Жаркая сила новой жизни не может пройти мимо поэта, так же кровно связанного с судьбой своего народа, как и с родной землей. Эта сила влечет его, несет ему новые духовные токи, новые прозрения. Поэтому «Письмо к женщине» — один из прекраснейших образцов слияния гражданской и интимной лирики, стихотворение, в котором Есенин выходит на поэтические формулировки, на признания большого принципиального значения

(«Теперь в Советской стороне я самый яростный попутчик», «За знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ламанша»), занимает и в композиции Балашова свое прочное, подчеркнуто важное место. И здесь мне хочется сказать вот о чем.

В неразрывном сплаве всего духовного движения Есенина от гнетущего одиночества к свету больших идей, от родимых проселков к гулу новой жизни, охватывающему всю страну, от старого к новому, в правильном свете понимаешь эти честные, серьезные строки:

Я знаю, грусть не утопить
в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.

И затем уже, как открытое утверждение, как взлет новой, только что родившейся энергии; если хотите, даже, как звенящая мечта:

Знать, оттого так хочется и
мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

И никаких привычных улыбок! Все (оказывается!) полно большого значения. Все на большом дыхании.

Именно так это и звучит у Балашова.

И каким же великим смыслом насыщается затем дальнейшее развитие этой темы!

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

«Мы давно любили Есенина, но и не знали, что он такой советский», — сказали мне двое молодых людей после окончания спектакля. И как венец самой светлой темы творчества поэта звучит в композиции слово Есенина о «Капитане Земли», о Ленине. Это слово большой любви, большой формирующейся преданности великому делу.

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песня моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

С особым значением артист читает строки:

Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

И только после этого взлета, после намечившегося движения к ясным целям, как символ непреодоленной все же до конца драмы в композиции звучит поэма «Черный человек», исполненная актером с потрясающей глубиной, психологической точностью, блеском.

И последний аккорд спектакля — светлый, звонкий, как бы выводящий Есенина в бессмертие — стихи, посвященные Пушкину.

После этого Балашов, как его ни просите, не читает уже ничего. В искусстве чувство меры, чувство законченности — не последнее дело.

Сергей Балашов — строгий и принципиальный художник, художник большой темы. На его концертах вы получаете не только эстетическое удовольствие. Вы выходите с этих концертов обогащенные духовно, заряженные интеллектуально встречей с актером — пропагандистом, мыслителем, бойцом.

Владимир КОТОВ.